

Цзян Чжися и Цзян Цинь не обнимались по-настоящему уже около десяти лет. Цзян Цинь всегда был чрезвычайно занят, уделяя большую часть своего внимания ученикам. Потеряв мать, Цзян Чжися чувствовала себя неуверенно, как маленький ежик, стараясь казаться циничной и безразличной ко всему. Она была бунтаркой, и Цзян Цинь постоянно убирал за ней последствия, не переставая читать ей нотации. Однако это лишь усиливало её желание поступать наперекор.

Когда Цзян Чжися поступила в университет, она даже не позволила ему проводить её. После потери матери их отношения словно лишились чего-то важного, и они больше не могли быть полными и гармоничными.

Настоящим объятием можно было считать лишь то, что произошло в больничном коридоре, когда Цзян Цинь был диагностирован с раком желудка на поздней стадии. Они обнялись, став опорой друг для друга. Позже Цзян Цинь уже не мог обнять её — химиотерапия лишила его большей части сил, и теперь только Цзян Чжися могла его поддерживать и утешать.

Лишь после смерти Цзян Цинь Цзян Чжися осознала, что в тот момент она действительно осталась одна в этом мире. С тех пор её жизнь стала лишь дорогой вперёд, без пути назад.

Сколько же благодати нужно, чтобы получить шанс начать всё заново?

— Пап, — Цзян Чжися обняла его сзади, её движения были привычными. — Не грусти, я всё тебе покажу.

Как будто тучи рассеялись, и луна засияла, Цзян Цинь с умиротворением погладил её по голове.

Многие упущения в этом мире — не твоя вина и не моя. Просто мы встретились в неподходящее время и оказались несовместимы. Поэтому мы не могли понять друг друга, не могли принять. Когда я, пройдя через всё, оглянулась, то наконец поняла, как драгоценна была твоя скрытая нежность. И хотя я нашла подходящий момент, чтобы обнять тебя, всё, что я могла сделать, — это пролить слёзы и вздохнуть, что судьба играет с нами.

Но хорошо, что сейчас ещё не поздно.

— Пап, я так голодна, есть что-нибудь перекусить? — Цзян Чжися грубо похлопала Цзян Циня по спине, и тёплая атмосфера в гостиной мгновенно рассеялась.

— Есть, я приготовлю, — Цзян Цинь встал, погладил её по голове и направился на кухню.

— Хрум-хрум... — Цзян Чжися начала поглощать лапшу с невероятной скоростью. — Пап, как там дела с тем делом, что было сегодня днём?

— Не очень, — нахмурился Цзян Цинь. — Вовлечено несколько девушек из второго класса, говорят, что их начали травить ещё с первого класса. Ещё фотографировали их обнажёнными и снимали видео.

— Не всех пострадавших ещё нашли, времени мало, но с помощью полиции всё должно быстро завершиться.

— Первая школа всё же решительная, — Цзян Чжися, не поднимая головы, продолжала есть лапшу.

Она вспомнила, как в будущем жалобы жертв быстро терялись в шуме, всё это из-за того, что школы и родители хотели замять дело.

— Конечно, нужно строго разобраться, ни в коем случае нельзя закрывать глаза. Это не мелочь, это жизнь детей, — лицо Цзян Циня стало серьёзным. — Если с тобой случится что-то подобное, ни в коем случае не молчи, расскажи мне, я всегда поддержу. И никогда не поступай так с другими.

— Ладно, ладно, я же выгляжу как образец честности, правда? — Цзян Чжися была довольно довольна тем, как Первая школа справляется с ситуацией, включая завуча Цзя. Хотя он и раздражает, но его честность и забота об учениках не вызывают сомнений. Ну, может, забота об учениках не так очевидна.

— А что насчёт той девушки, которой я дала лекарство?

— Ты ещё спрашиваешь, — он явно знал, что это за лекарство, и откуда она вообще всё это знает. — Её родители чуть не пришли тебя избить. В следующий раз не будь такой импульсивной.

Сказав это, он не мог не восхититься тем, как Цзян Чжися, несмотря на присутствие охраны, смогла влить лекарство в рот Линь Су.

— Это же её собственное лекарство, какое это имеет ко мне отношение? — Цзян Чжися выглядела совершенно невинной.

Если уж она осмелилась на такой поступок, то должна быть готова к последствиям.

Любое зло должно быть наказано, особенно если его цель — разрушить чью-то жизнь. Как бы Линь Су и её семья ни шумели, они должны заплатить за свои действия, быть исключены из школы и переданы в руки полиции.

Цзян Чжися была рада, что Линь Су уже почти восемнадцать, а не шестнадцать, иначе она могла бы ещё какое-то время избегать ответственности.

На следующий день был выходной, и когда в воскресенье вечером Цзян Чжися вернулась на занятия, она услышала, как классный сплетник, положив портфель, начал говорить загадочно.

— Слышали? Линь Су из нашего класса попала под разборки, — выражение лица сплетника было серьёзным, как будто он делился большой тайной.

— Кто такая Линь Су? Почему её проверяют? — нахмурилась Фан-Фан. Она была очень чувствительна к этой теме.

Цзян Чжися, лежа на столе и пытаясь вздремнуть, вяло ответила:

— Я тоже не знаю, давай послушаем.

Касаясь конфиденциальности жертв травли, школа предупредила, чтобы информация не распространялась. Однако радость школьной жизни заключалась в том, чтобы превратиться в Шерлока Холмса и выведать все школьные сплетни. Тот, кто знал больше всего, всегда пользовался уважением и восхищением одноклассников.

Рядом несколько девушек насторожились и начали подключаться к разговору:

— Почему?

— Не говорите, она просто отброс. Она перешла из Третьей школы, где, говорят, сломала руку одной девочке. Как только поступила в первый класс, сразу захотела стать главной, собрала вокруг себя группу и начала всех травить. Ещё нашла себе несколько старших братьев из криминального мира, вела себя очень высокомерно. Но потом её поймали на драке, и в её телефоне нашли фотографии обнажённых девушек, после чего её начали проверять, — сплетник красочно рассказывал, привлекая внимание окружающих.

— Боже, фотографии обнажённых? Она просто отвратительна, — девушки морщились.

— Я знаю, я знаю, говорят, что опрашивали людей из нашего класса, наверное, это были те, кого она травила. Подруга говорила, что видела, как Линь Су загоняла кого-то в угол на лестнице. Она хотела позвать учителя, но боялась, что её найдут её криминальные друзья. Не думала, что она такая мерзкая, — голос говорившей постепенно стих, видно, что она тоже расстроилась.

Цзян Чжися и Чэн Си обменялись взглядами, двое неизвестных участников событий скрылись в толпе, оставив свои подвиги в тайне.

— Вот, Цзян Чжися, спасибо за тот день, — Чэн Си тихо протянула ей чашку молочного чая.

Цзян Чжися обратила внимание на её ногти цвета сакуры. Никакой лак для ногтей не мог создать такой естественный оттенок, как у самой Чэн Си.

— Не за что, — уголок губ Цзян Чжися приподнялся, и Чэн Си тут же отвернулась.

Ах.

Фан-Фан и остальные, полностью поглощённые обсуждением, не заметили взаимодействия Цзян Чжися и Чэн Си, иначе бы закричали:

— Эй, солнце встало с запада?

Все активно обменивались информацией.

— Да, говорят, она тогда приняла тот... тот препарат, — сплетник, довольный вниманием, протянул, — и начала вести себя странно, её даже отправили в больницу.

— Вау, она просто психопатка, — все начали обсуждать Линь Су с разных точек зрения: от друзей, одноклассников, братьев и сестёр.

Даже Фан-Фан не удержалась и присоединилась к разговору. Все сошлись во мнении, что она отвратительная и мерзкая личность. Даже когда прозвенел звонок на урок, они неохотно прекратили разговор.

— Кхм-кхм, — преподаватель, заметив шёпот, напомнил:

— Тише, пора заниматься.

Внизу начали шелестеть бумажками. Фан-Фан с удовольствием передавала записки.

Полностью игнорируемая Цзян Чжися подумала: «На самом деле вы не знаете, что это я влила ей препарат, и, кажется, случайно навесила на Линь Су вину. Но она совсем не невинна, так

что моя совесть совершенно не мучает».

Достав из ящика стола коробку молока, Цзян Чжися начала пить и что-то рисовать.

— Ох, этот чай такой сладкий, — она улыбнулась.

Чэн Си впереди подумала: «Похоже, это просто порошковый чай из магазина».

Авторское примечание:

Спасибо за ваши голоса и поддержку!

Особая благодарность за метательные снаряды и питательные растворы!

<http://bllate.org/book/16349/1477270>